

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ)**

© 2014

О.Н. Вещева, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и философия»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: крестьянская община; хуторяне; формы землепользования; землеустроительная политика; поселковые хозяйства.

Аннотация: Анализируя изменения, произошедшие в деревне в первые годы советской власти, автор определяет состояние и возможные пути развития земледельческой крестьянской общины.

В результате реализации «Декрета о земле» после октября 1917 года общинное землевладение стало безраздельно господствующей формой землепользования. «Поскольку уравнильное перераспределение охватило всё, без исключения, крестьянство и осуществлялось путем переделов общинных земель, поскольку, в ходе революции, вновь ожила и окрепла крестьянская община» [1].

С 1917 по 1919 года происходит сокращение числа единоличных крестьянских хозяйств. В Самарской губернии удельный вес отрубного и хуторского землепользования составил 0,3 % в 1919 году против 26 % в 1914 году, в Саратовской губернии такое сокращение произошло с 16,4 % до сотых долей. В 1920 г. из 430222 крестьянских хозяйств Самарской губернии 428371 или 99,5 % находились в составе общины [2]. Община, как экономическая единица уже не удовлетворяла большинство крестьян. Поэтому возрождение ее не могло быть полным. Оно представляло собой попытку центральных органов власти использовать в аграрной политике сохранившиеся институты деревенской общины. Введение уравнильного землепользования, круговой поруки в выполнении продразверстки – в форме обложения налогом всей общины, способствовало возрождению обычаев крестьянской общинной жизни: самоуправления, изгнания крестьян из общины решением большинства ее членов, самосудов.

Возрождение общины, опора на нее в проведении государством аграрной политики в деревне и, в то же время, нарушение ее автономности, пожалуй, главные признаки существования общины в годы «военного коммунизма».

С введением нэпа по-новому должна была определиться политика отношения к земледельческой крестьянской общине. Основные социальные функции общины постепенно переводились в руки советских органов власти. В основном вопросе, который разрешался общинным самоуправлением, в вопросе передела земли, земельный кодекс 1922 года отвел общине подчиненную роль. Теперь земельные споры целиком должны были разрешаться земельными комиссиями, выдел из общины мог осуществляться и без обязательного решения большинства ее членов. Если выделялось 1/5 домохозяев от общества или 50 при большем общем количестве в селениях, то выдел производился без согласия общества. Законодательно упразднилась административно – финансовая функция общины. Вместе с тем, у нее осталось право юридического лица на приобретение имущества, заключение договоров, выступление в суде и т.п. Как и до революции, в начале 20-х годов сельский сход оставался высшим органом мирского самоуправления.

В документах ВЦИК отмечалось, что «Земельный кодекс признает общину, хотя считает многодворную общину с обязательным севооборотом одной из невыгодных для сельскохозяйственного производства форм землепользования» [3]. «Индустриализация единичных хозяйств сложнее, чем объединенных. Община, в роли такого хозяйства уже не может быть использована. Необходимо разбудить хозяйственную инициативу и самостоятельность населения, которая даст прочное русло для кооперирования», – определялось в плане Наркомзема на 1922 год [4]. Итак, допуская сосуществование различных форм землепользования, правительство в развитии сельского хозяйства страны отдало предпочтение коллективным формам хозяйства. Какой же выбор сделало крестьянство?

Вновь землеустраиваемые хозяйства стремились окончательно порвать с общиной. «Пусть десять дворов, хоть к черту на куличики, в уйдем, лишь бы не в обществе» [5]. Почему же крестьянство зачастую было столь категорично в своем выборе? С переходом к крестьянству помещичьих земель и с проведением социализации земли присущие общинному землевладению дальнеземелье и чересполосица, порожденные многодворностью селений, усилились. Максимальная натурализация хозяйств привела к тому, что большинство из них не придерживались правильного севооборота. Результатом стала чрезвычайная засоренность полей и распространение вредителей. Усугублялись эти негативные признаки ежегодными переделами земли, неупорядоченностью земельных отношений, регламентацией деятельности крестьянских хозяйств государством. Это, определенно, направляло мысль крестьянства на необходимость разрыва с общиной. Наибольшее количество выделов из общины приходится на 1922 г. – принятие Земельного кодекса и 1924 г. – начало сплошного землеустройства.

Данные таблицы 1 показывают, что большинство (77,1 %) вновь землеустраиваемых хозяйств Самарской губернии в 1922 году предпочло порвать с общиной. Такое большое количество выделов нужно связывать с землеустройством единоличных хозяйств. Поэтому можно утверждать о сохранении и даже росте в дальнейшем количества крестьянских дворов, решивших выйти из общины.

В процессе землеустройства 1924–1929 гг. уменьшилось количество дворов, имевших расстояние поля от усадьбы 5–10 км на 11,9 %, выросло число дворов с расстоянием до пашни 3–5 км на 5,6 %. Одновременно меньше стало крестьянских хозяйств наиболее приближенных к полям (до 3 км) на 4,2 % и незначительно увеличилось количество усадеб расположенных

от полей более 10 км. Если учесть, что более удобная земля предоставлялась коллективным хозяйствам, то очевидно, что крестьянство старалось приблизить свои наделы к дворам.

Устойчивая тенденция роста прослеживается в поселковом землеустройстве, характерном для крестьянства Самарской губернии. В земельном поселке сохранялась полная самостоятельность крестьянских дворов. Такая форма объединения хозяйств, предполагала только единый севооборот, хозяйственное устройство и выбор направления деятельности [7]. Обычно для выдела из общины в поселок требовалось объединение хозяйств с общим количеством в 200 человек, т.к. земля нарезалась из государственного земельного фонда или из бывшей помещичьей и не делилась на более мелкие участки. Если в начале 20-х годов поселки выделялись в количестве 40–50 дворов, то к 1927 году их число сокращается.

Определенные земельные органами как «самая простейшая зародышевая форма сельскохозяйственного коллектива», поселковые хозяйства в процессе доведения землеустройства «до двора», наоборот, в наибольшей степени приближались к типу хуторов. Средний размер вновь образованных поселков в 1927 году по Ульяновской области составил 22 двора, по Самарской – 21,5. Обеспеченность землей хозяйств поселкового типа в Самарской губернии была выше, чем в Ульяновской и соответственно равнялась 18,1 га и 9,5 га на двор [8].

Из таблицы № 2 видно, что за 5 лет с 1924 по 1929 годы количество многодворных хозяйств, объе-

дияющихся свыше 200 дворов сократилось на 3,7 %, 50–200 дворов на – 0,6 %. Количество хозяйств, включающих до 50 дворов возросло на 4,3 %. Но эти изменения не повлияли на основной признак крестьянских обществ. 72,6 % дворов оказались сосредоточенными в многодворных селениях. И хотя число малодворных селений составляло 67,8 % от всех крестьянских обществ Самарской губернии, в них объединялось лишь 11,84 % хозяйств.

Из общины в поселок выделялись различные группы хозяйств. Причем если до 1922 года, большинство выделенных хозяйств с переселением составляли хозяйства владеющие двумя (38,7 %), тремя и более головами рабочего скота (16,3 %), то к 1924 г. большинство хозяйств, не владеющих рабочим скотом стремились выделиться из общины. По Самарской губернии в 1924 г. доля таких хозяйств без скота или с одной головой составляло 74,4 % от всех хозяйств поселкового типа. Т.о. стремление обособиться охватило все без исключения слои деревни (таблица 3) [10, с. 133].

Росту числа, обустроивающихся вне общин хозяйств, способствовала государственная политика кредитования и предоставления льгот. 7 марта 1925 года была издана инструкция НКЗ об освобождении от сельскохозяйственного налога 1924–1925 гг. хозяйств, расселяющихся в порядке землеустройства как поселки и выселки на новых местах [11]. С хозяйств поселкового типа в первый год переселения не взимался сельскохозяйственный налог.

Таблица 1. Землеустроительные работы по Самарской губернии [6]

Года	Всего землеустроено хозяйств	Из них с выделом из общины	% хозяйств, выделившихся из общины
До 1922	15358	4667	30,4
1922	16199	12486	77,1
1923	11912	6223	52,2
1924	15439	8891	57,5
Всего	68908	32267	54,8

Таблица 2. Распределение хозяйств по Самарской губернии по количеству дворов [9]

Группы населенных пунктов по числу хозяйств	1924 г (в %)	1929 г (в %)
До 50 дворов	7,5	11,8
От 50 до 200 дворов	24	23,4
Свыше 200	68,5	64,8

Таблица 3. Состояние хозяйств, выделенных в поселки с переселением. Самарская губерния [10]

Годы	Число выделенных хозяйств	Без рабочего скота и с 1-й головой (%)	С 2-мя головам рабочего скота (%)	С 3-мя и более головами рабочего скота (%)
До 1922	2245	45	38,7	16,3
1922	7256	58,9	24,9	16,2
1923	3469	71,8	19,4	8,8
1924	5760	74,4	22,1	3,5
Всего:	187222	64,8	24,1	11,1

Кредитная политика государства была направлена на поощрение беднейшего крестьянства, например, кредит на землеустройство в 1924 году по Самарской губернии был распределен следующим образом: безлошадным и однолошадным – 91,2 %, двухлошадным – 7,2 %, трехлошадным – 1,6 % [10, с. 328]. В 1925 году на землеустройство Самарской губернии было выделено 259500 руб. из них 7500 руб. на бесплатное землеустройство.

Соответственно социальному составу определялся и процент стоимости работ, относимый на счет кредита: беднякам суда разрешалась в размерах до 90 % от стоимости работ, зажиточным не выше 30 %. Размеры ссуд, подлежащих внесению на землеустройство исчислялись для кредитующей бедноты из расчета 40 коп. с десятины, для прочих хозяйств в 55 коп. [12]. Кредит на бесплатное землеустройство разассигновывался исключительно среди бедноты по указаниям крестьянских комитетов. По выборочным данным Самарского губземуправления с 1923 по 1926 года землеустроилось в среднем 82 % хозяйств безлошадных и с одной головой рабочего скота [13]. 10 сентября 1926 г. ЦИК и СНК СССР издает декрет «Об отпуске крестьянам безвозвратного и возвратного долгового кредита на землеустройство до 8 лет». Маломощность землеустроительного контингента породила задолженность. На июль 1927 года по Самарской губернии она составила 237000 руб. [14]. Предоставление льгот по землеустройству с 1924 года только коллективным хозяйствам сдерживало процесс создания единоличных хозяйств.

К 1926 г. общинная форма землевладения оставалась господствующей – 89,3 % хозяйств, в товарищества объединилось 9,9 %, единоличники составили 0,3 %. Однако из вновь землеустроенных хозяйств лишь 13,4 % остались в общине. Среди обоснований выделов чаще всего встречаются: необходимость культурной обработки земли, устранение дальнотельности и чересполосицы, отдаленности полей от водоёмов, поднятие мощностей хозяйств.

В процессе землеустройства отчетливо проявилось стремление крестьян покончить с неудобным общинным землепользованием. И все же, к концу двадцатых годов общинная форма землевладения оставалась господствующей.

Уравнительное землепользование, в совокупности с социально-классовой политикой государства, тормозило капитализацию деревни и процесс дифференциации крестьянских хозяйств. Признавая возможным существование общины, советское государство отдало предпочтение развитию коллективных хозяйств, полностью подчиненных государству и не включенных в естественные экономические отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня.– М., 1977.– С. 106.
2. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Выпуск 1. – Самара, 1924. С. 118.
3. РГАЭ.Ф. 478, Оп. 2.Д.293.Л.41.
4. ТФГАСО. Ф.81.Оп.1.Д.245.л.19.
5. РГАЭ. Ф. 478.Оп. 2.Д.293.Л. 36.
6. ГАСО. Ф. 81.Оп.1.Д.731. Л.16.
7. Вещева О.Н. Коллективные формы землепользования в Средневолжской деревне в период нэпа // Вестник гуманитарного института ТГУ. – 2008.– № 2 (4). – С. 17–24.
8. Контрольные цифры Средневолжского края 1920–1939 г.– Самара, 1930. С. 15.
9. Сборник статистических сведений по Средневолжского края 1925–1926, 1927–1928 гг. – Самара, – 1930. – Выпуск 1. – С. 35.
10. Обзор состояния сельского хозяйства Самарской губернии и мероприятий, проведенные в 1924–1925 г. – Самара, 1926 – С. 133.
11. Известия ЦИК СССР. 6 января. 1925.
13. ТФГАСО. Ф. 82. Оп 1. Д. 235. Л. 112.
14. ГАСО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 774. Л. 194.
15. ГАРФ. Ф. 7820. Оп .1. Д 13. Л. 191.

TRANSFORMATION OF THE AGRICULTURAL COMMUNITY IN THE EARLY DECADES OF THE SOVIET REGIME (ON MATERIALS OF SAMARA AND SIMBIRSK PROVINCE)

© 2014

O.N. Veshcheva, Ph.D., the candidate of historical sciences, associate professor of history
Tolyatti state university, Tolyatti (Russia)

Keywords: peasant community; the farmers; land use; land use policy; village economy.

Annotation: Analyzing the changes that have occurred in the village in the first years of Soviet power, the author defines the condition and possible ways of developing agricultural ejido.